

В разных издательствах вышли в этом году три разные книги стихов и поэм известного балкарского поэта, видного общественного деятеля Максима Геттуева: «Откуда мы родом» (Воениздат), «Вечный пленник высоты» («Советский писатель») и «Стихи» («Детская литература»). В основном это переводы Якова Серпина, который работает с поэтом почти четверть века. Мы попросили переводчика рассказать об этом интересном человеке и об истоках его поэзии.

БОЛЕЕ двадцати лет творческой и человеческой дружбы связывает меня с народным поэтом Кабардино-Балкарии Максимом Геттуевым. Мы познакомились в Москве — провели вечер в новом Лужниковском дворце спорта, смотрели балет на льду. Максим сидел, чуть пригнувшись и ссутулившись, чтобы не заслонить сцену сидящим сзади. Разговор наш был неспешен и легок, быстро переходил с предмета на предмет, разговор вширь, а не вглубь, но уже к концу вечера у меня возникло ощущение, что мы давно знакомы и превосходно знаем друг друга. Ощущение, видимо, обманчивое, ибо потом, при

ство в поэзии Геттуева. Он не приукрашивает своих героев, не идеализирует их, но, рисуя их такими, каковы они есть, не скрывает своей гордости ими и горячей авторской заинтересованности в их судьбе.

Геттуев — горец, и горы, как живые люди, населяют его стихи. Восторженно и влюбленно воспевают он облачные кручи и альпийские дуга, орлиные скалы и отвесные ущелья, прочерченные серебряными молниями рек. Но поэт не только горец, он и россиянин, и гражданин неоглядной Советской страны. Он изъездил ее вдоль и поперек, и горы в его стихах не заслоняют ни подмосков-

песня, его сердце. Таково поэтическое кредо Максима Геттуева.

Если говорить о моей работе в качестве переводчика Максима Геттуева, то хочется выделить два обстоятельства, неизменно играющих в этой работе заметную роль. Во-первых, необходимость и обязанность помнить о сложившейся переводческой традиции. Стихи поэтов Кабардино-Балкарии уже давно переводятся на русский язык, многие из этих переводов, сделанные первоклассными мастерами русской поэзии, вошли в золотой фонд нашей многонациональной советской литературы. Достигнут определенно высокий, причем весьма высокий, уровень перевода, опускаясь ниже которого переводчиквольно или невольно изменяет доброй литературной традиции. Отсюда, вероятно, и то обостренное чувство ответственности, которое я испытываю

Яков СЕРПИН

ВЕЧНЫЙ ПЛЕННИК ВЫСОТЫ

каждой последующей встрече, Геттуев открывался мне с новой стороны. Но в тот первый вечер нашего знакомства я увидел и понял главное: мне посчастливилось встретиться с человеком добрым, сильным, цельным.

Особенно хорошо смотрится он на фоне гор — высокий, улыбчивый, крутоплечий, как оживший нарт — богатырь, герой кавказского эпоса. Мы дивились розам Долинска, поднимались к одетому туманом Эльбрусу, бродили под голубыми елями в нальчикском парке. Максим читал мне стихи на балкарском языке, сразу же пересказывал их по-русски, стараясь найти точные слова, заглядывая мне в глаза, ждал ответа, искал отклика. Так начиналась наша совместная работа.

У Максима Геттуева тревожная и завидная судьба. Ровесник Октября, родившийся в горном селе Гунделен, недалеко от Эльбруса, он смолоду оказался свидетелем и участником борьбы за укрепление Советской власти на Кавказе. Прибавил себе лет, чтобы до срока вступить в комсомол. Участвовал в становлении колхозов. Учился, работал в газете и писал свои стихи, далеко не всегда отдавая их в печать. Началась война — и Максим ушел на фронт, сражался в рядах легендарной 18-й армии, не раз был ранен. И после войны — работа, работа, работа. Партийная, государственная, литературная. Труд и талант, отдаваемые служению родной земле, своему народу.

Его любовь к людям не абстрактна. Он любит не просто лес, а каждое дерево в лесу, не просто человечество, а человека — живого, конкретного, своего товарища, собеседника, единомышленника. Солдат и полководец, врач и колхозник, рабочий и художник — все имеют право на равное представительство

наших берез, ни азиатских пустынь, ни заполярной тундры.

Глубокий оптимизм, вера в светлый, всепобеждающий труд людской, сопричастность героике и романтике наших буден — неотъемлемые свойства поэзии Геттуева. Его стихи — как горячая исповедь человека, которому нечего таить ни от современников, ни от потомков. Я позволю себе привести здесь в моем переводе небольшое стихотворение М. Геттуева, которое, несомненно, является программным:

Пусть тих мой голос, пусть
он не богат
Ни редким тембром,
ни диапазоном.
Но он звучит в аккорде
миллионном
На собственный,
неповторимый лад.
Не заглушая голосов других,
Не подчиняясь ложному
экстазу.
Пусть голос мой бывал
порою тих, —
Я не сфальшивил им
Ни разу!

Это — ответственные слова. Всей своей жизнью, всем своим творчеством поэт доказывает их правоту.

Каждый из новых поэтических сборников Максима Геттуева — «Вечный пленник высоты», «Откуда мы родом» и «Стихи» отличает широкий тематический круг. Поэт уводит нас на великие стройки и в налившиеся цветом сады, в горные рудники и на простор колосающегося поля. Он вспоминает горящую Малую землю и трепетный майский день — День Победы. Его равно интересуют глубины океана и беспредельность космоса, романтический образ Гриббедова и полная борьба и тревог жизнь замечательного большевика Ф. Э. Дзержинского. Поэт не устаёт любоваться синим небом и белыми вершинами гор, звонкими реками и лесной тишиной. Прекрасна природа, хранящая и воспетая человеком, но главная красота мира — сам человек, его труд, его

всякий раз, когда приступаю к переводу стихов М. Геттуева.

И второе обстоятельство, уже не общего, а частного характера, связанное с подчерком данного поэта, с особенностями его творческой манеры, с его поэтической личностью. Максим Геттуев, как было уже сказано, и по тематике своего творчества, и по своей человеческой сути — поэт гражданский. Его стихам присуща патетика, но патетика не холодная, не рассудочная, а согретая теплым и чутким лиризмом. Стоит при переводе потерять ощущение этой теплоты и лиризма — и патетика тотчас обернется равнодушной и утомительной риторикой. Сохранить высокий лирический накал гражданской поэзии Геттуева — вот та задача, которая непременно встает перед переводчиком, требуя равной душевной взволнованности и глубокой внутренней отдачи.

Словно гулкие горные потоки, дробящиеся о валуны и летящие дальше, стремительно мчатся годы. Когда-то я переводил стихи М. Геттуева, посвященные его детям, теперь перевожу стихи, которые он посвящает своим внукам.

Многопланова и щедра поэзия Геттуева. Десятки стихотворных сборников, роман в стихах — первый на Северном Кавказе, песни, так часто теперь звучащие, — композиторы, что называется, положили глаз на стихи М. Геттуева. А у поэта новые замыслы, новые строки — и опять на моем письменном столе лежат его стихи для перевода. И снова длинной трелью телефон взрывает комнатную тишь в моей квартире (междугородный вызов), и, сняв трубку, я слышу знакомый, далекий и близкий голос Максима:

— Здравья тебе! Как дела? Будем идти вперед.